3. ШТИБЕР

СЛОВО В ДИСКУССИИ О СТРУКТУРАЛИЗМЕ

1. Несомненно, что сущностью структурализма в широком смысле слова является понимание языка («langue» де Соссюра) как системы, все элементы которой находятся между собой в определенных отношениях. Такое понимание правильно и является крупным шагом вперед в науке о языке. Однако исследование отношений элементов данного языка может быть по меньшей мере двояким: или эти отношения изучаются с учетом характерных особенностей сравниваемых элементов, или же абстрагированно сопоставляются только отношения между элементами. Пражская школа изучала отношения элементов языка на основе сравнения их характерных особенностей, разумеется, только «различительных». Трубецкой разработал целую теорию определения «опозиции» фонем на основе сравнения их характерных особенностей. Ельмслев, в противоположность Трубецкому, изучает только отношения элементов, считая при этом принципиально ненужным изучение их характерных особенностей. Это приводит, например, к тому, что отдельные фонемы определяются только на основании их появления в тех или иных местах потока речи.

В результате Ельмслев приходит к выводам, совершенно невозможным с точки зрения лингвиста, занимающегося исследованием конкретных реальных языков. Он, например, утверждает, что французский язык продолжал бы оставаться французским даже и в том случае, если бы все особенности его элементов были заменены другими, лишь бы отношения между этими элементами оставались прежними. Этот французский язык, очевидно, был бы непонятен для любого француза, что, однако, нисколько не смущает такого крайнего структуралиста, как Ельмслев.

2. Нужно признать, что источником фонологии в том смысле, как понимал ее Трубецкой, является просто здравый смысл. Ведь без практического овладения системой фонем данного языка говорить на этом языке нельзя. Теоретик языка лишь более сознательно представляет себе количество фонем, падежей, функции отдельных аффиксов и т. д. Историческая деятельность Константина, Гуса и других показывает, что создатели алфавитов и реформаторы орфографии мыслили фонологически. Автор трактата середины XV в. о польской орфографии Яков сын Паркоша представил почти точно фонологическую систему польского языка того времени. Он прекрасно отличает долгие от кратких, твердые от мягких и т. д. и в то же время ничего не пишет о качественных различиях между долгими и краткими гласными, несомненно уже существовавших в польском языке XV в.; качество звука в этих случаях не играло еще роли различительного признака, как это произошло позднее, в XVI в., после исчезновения долгот. Точно так же Паркош ни слова не говорит о различии между гласными *i* и *y*, так как для него оно не являлось различительным признаком, как и для большинства современных польских

и русских фонологов. По поводу того, что различие между *i* и *y* не является различительным признаком, совершенно определенно высказался польский поэт XVI в. Ян Кохановский. Точка зрения Кохановского была хорошо известна польским грамматистам XIX в., от них эту точку зрения усвоил Бодуэн де Куртене.

3. Положительную роль структурализма в его пражской разновидности для изучения конкретных языков и диалектов можно было бы показать на многих примерах. Представление о долготе и интонации существовало и в XIX в., но оно было недостаточно отчетливым. Именно этим объясняется ошибка Ф. Лоренца и других исследователей, которые говорили о долготах и интонациях в кашубских диалектах XX в. В современном кашубском языке нет ни долгот, ни интонаций, имеющих фонологическое значение; различия в длительности кашубских гласных и в высоте их тона целиком зависят от места ударения и не несут никакой самостоятельной функции. «Долготно-интонационную» легенду развеяло лишь сознательное применение фонологического метода.

4. Несомненно, «типичные» структуралисты не обращают внимания на связь языка с обществом. Вместе с тем между трактовкой языка как системы и учетом влияния общественных факторов на развитие этой системы нет никакого противоречия. Сейчас, пожалуй, никто не может оспаривать, что национальные и общественные отношения имеют влияние как на возникновение или исчезновение определенных языковых фактов, так и прежде всего на ту или иную степень распространения отдельных изменений. Мне кажется, всегда нужно стремиться найти внутреннюю причину данного изменения; лишь тогда, когда такую причину найти нельзя, необходимо искать причину внешнего порядка. Не следует также забывать о возможности взаимодействия между структурными факторами внутреннего порядка и факторами внешними.

Следовало бы, возможно, подчеркнуть, что конкретное изучение живых языков и их диалектов не даст возможности принять слишком крайние структуралистские выводы типа датской школы. Диалектолог, даже стремящийся установить систему и определить взаимоотношения элементов этой системы, всегда стоит перед необходимостью учета различных факторов общественного порядка.

Перевел с польского *И. А. Оссовецкий*